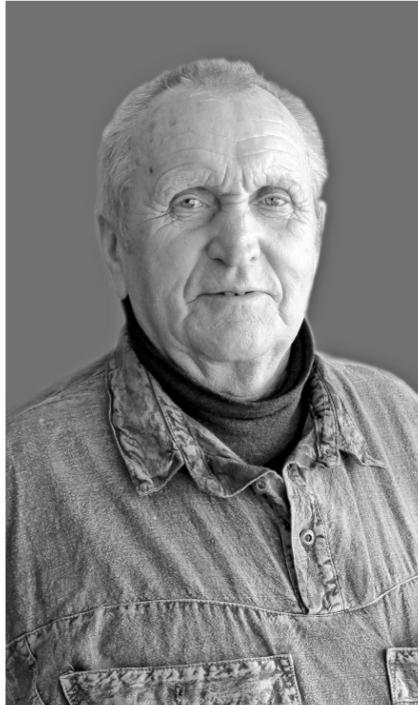

Тропами Бориса Кузнецова

В феврале этого года известному гурьевскому поэту Борису Павловичу Кузнецову исполнилось бы 90 лет. У нас в «Литературном салоне» не было ещё ни одной встречи, чтобы мы о нём не вспомнили: а вот Борис Павлович говорил так-то; а вот Кузнецов бы тебе сейчас ответил – и так далее. Не говоря уже о том, что песня, написанная Дмитрием Кукиным на стихотворение Бориса Павловича «Звёзды», давно стала своеобразным гимном «Литсалона».

Борис Кузнецов

***

Ботаниками были поневоле:
Дождавшись первых признаков весны,
Бежали мы гурьбою в лес и в поле –
Голодные заморыши войны.
Бывало, что поев какой-то дряни,
Не отличив её от прочих трав,
Со стоном мы катались по поляне,
Коленки к тощим животам прижав.
Великие вселенские печали
Несла с собой проклятая война.
Мы даже красоты не замечали,
Коль несъедобно была она.
Траву в полях качает летний полдень,
Иду в соцветьях жёлтых, голубых.
Я даже их название не помню,
Но вкус их, как ни странно, не забыл.
Букет саранок – солнечное диво...
Июльских зорь сиреневые сны.
Мне скажут: «Посмотрите, как красиво!»
А я отвечу: «Как они вкусны!»

Красная книга

Мы природу охраняли,
Сохраняли, как могли.
Директивы сверху слали,
А отписки снизу шли.
Труд, конечно, не напрасный,
А героическому под стать:
Чтоб собрать всех в книге Красной,
Семь томов пришлось издать.
Но прошло четыре года,
Оскуденье шло волной,
И заставила природа
Напечатать том восьмой.
Не печальтесь, звери, птицы,
Вымирайте. Мы потом,
Когда это совершится,
Издадим девятый том.

От шести до восьмидесяти шести

Как признавался сам Борис Павлович, первое стихотворение он не написал, а придумал: не умел ещё писать. Шла война, и отклик шестилетнего пацана на битву за Москву был таким:
*Едет конница в атаку
С командиром впереди.
Командир – Герой Союза,
Красный орден на груди.
Он ведёт бойцов в атаку
По болотам и лесам,
И вступили фрицы в драку,
И убиты здесь и там.*

Вот так, с шести лет и до глубокой старости - 86 лет он писал и стихи, и прозу. Издавать свои книги начал поздно – только в 2014 году. Пять книг, все – без названия, которым многие пытаются привлечь внимание: только имя автора и указание для читателя - «Стихи и проза». И лишь первая отличается от других дизайном обложки, последующие четыре чуть ли не повторяют друг друга: голубизна неба и фотографии тех мест в окрестностях Гурьевска и Салаира, где Борис Павлович любил бродить.

«По закону сердца и души...»

Борис Павлович родился в Новокузнецке (тогда – Сталинск) в 1936 году, но уже в следующем, 1937 году, семья переехала жить в Гурьевск. Но судьба его снова свела с Новокузнецком – поступил учиться в Сибирский металлургический институт. Учёба учёбой, но в то время при газете «Кузнецкий рабочий» при деятельном участии журналистки этой газеты **Беллы Кердман** каждую неделю собиралась «Литературная группа», и входили в неё люди, имена которых сегодня известны всему Кузбассу, да

и за его пределами: **Владимир Мазаев, Евгений Буравлёв, Владимир Сапожников** и другие. Белла уехала из города – и группа распалась.

После окончания института Борис Павлович вернулся в родной город и работал на Гурьевском металлургическом заводе. И здесь он не сразу, но стал посещать «Литературный салон». Пишущему человеку без общения с «братьями по разуму» как-то плоховато.

Он приходил в редакцию со своими стихами, когда я там работала. Здоровался, клал на стол листочки и говорил: «Спасибо. До свидания». И все мои уговоры, чтобы рассказать о себе, чтобы я написала очерк, заканчивались ничем. Он был очень скромным человеком, непубличным.

Но вместе с тем, преподаватели школ вспоминают, как он встречался с детьми. Никто из местных поэтов не мог создать такую атмосферу доверия с детьми, которым сейчас стихи, как они говорят, «по барабану». Его слушали! Ему задавали вопросы! Потому что он умудрялся проникнуть в их мир. Улыбался: «Тоже за девочками бегаете? Они вон все какие красивые у вас! Я бегал. Мне б сейчас годков-то убрать маленько... И хулиганил, как вы...» И подмигивал, и смеялся, и дети смеялись в ответ и слушали, слушали, слушали...

Борис Павлович не уставал говорить, что он человек ленивый. Но он работал, работал и работал, причем к своим произведениям относился очень критично. «Напишу черновик – здорово! Перепишу на чистовик – как-то уже не так. Напечатаю – вообще дурь никуда не годная!» Увы, многие стихотворения Бориса Павловича настигла участь быть разорванными и сожжёнными в печке.

Самые лучшие стихотворения, по его мнению, те, что появились разом, целиком. Которые

вдруг «приходили» сами собой. Над другими приходилось работать – многотрудно и многодневно. Борис Павлович считал, что чем больше работает над стихотворением, тем оно становится хуже. Это – муки Мастера, который стремится достичь совершенства. Но мы, читатели, знаем: чем больше он работал, тем лучше мы чувствуем. У него нет проходных, дежурных стихотворений. Каждое – это работа души и разума.

Он не писал стихи в привычном понимании, он их говорил, в его стихах всегда был сюжет, они повествовательны! Стихи Бориса Павловича смело можно назвать философскими, а сам он говорил, что жизнь – это и есть философия. Борис Павлович неспешно, но необыкновенно образно описывал жизнь. У него всегда в стихах есть мысль, ради которой он взялся за перо. Ведь как бывает у людей пишущих: вот весна, дай-ка напишу! А потом осень с дежурными гроздьями рябин – как не написать! Каждый год! Из года в год!

Борис Павлович заставлял читателя плакать, а во многих стихах в финале – улыбаться, а то и вовсе смеяться. Ненавязчивое, интеллигентное, умное, даже мудрое чувство юмора – это про Бориса Павловича!

А какие образы в стихотворениях! Мы все с вами сто раз читали про багряный, пунцовый и даже кровавый закат. А у Бориса Павловича он – бубновый! У него я прочитала про самый белый снег: оказывается, он бывает в ноябре, потому что этот снег – первый после красок осени. А как вам неологизм «непричёмный вид»? А его происхождение простое: стоит человек и делает вид, что он тут не причём, мол, мимо шёл.

«Меня вели по жизни боги, между собой деля дела...»

Прозу Борис Павлович писал тоже с юности и признавался, что писать её намного труднее, чем стихи. Его привлекало то, что находилось на грани между действительностью и метафизикой: какие-то силы всё же влияют на судьбы людей. Не специально, а в процессе жизни, исподволь. Или мы только пытаемся придумать объяснение всему странному, что происходит с нами?

И Борис Павлович, умный, здравый человек писал: «То, что в нашем водоёме «Гурьевское море» обитает что-то, водяной или русалка, для меня бесспорно». Но даже те его рассказы, в которых присутствовала метафизика, не вызывали отторжения даже откровенных апологетов – так они были умно написаны.

А для меня проза Бориса Павловича началась с рассказа «Американские штаны». Это про голодное, бесштанное, военное детство, которого Борис Павлович хватил сполна. Он принёс мне этот рассказ в разгар эпидемии гриппа. Народ в редакции дружно болел, и «Американские штаны» я набирала сама. Стучала по клавишам и плакала. И остановиться не могла и не хотела! Потому что, если в жизни есть что-то, трогательное до глубины души, этого не надо стесняться.

Прощание

Талантливый, самобытный, интересный всем – эти эпитеты можно продолжать. **Дмитрий Петрович Клёстов** сказал просто и откровенно: «Это был классик». А классик в литературе – это тот, чьи произведения будут читать не только сегодня, но и через много-много лет. Я книги Кузнецова перечитываю два раза в год – наряду с Булгаковым, Ле-

сковым, Чеховым... Они заставляют думать, они подпитывают энергией. Сам Борис Павлович о будущем поэзии говорил, что, простите за каламбур, время безвременья пройдёт, и интерес к поэзии вернётся. Но – не у всех, а у интеллектуальной элиты. Будем в это верить!

...Мы, участники «Литсалона» не были на его похоронах: Борис Павлович завещал детям своё тело кремировать, а пепел разбросать на слиянии речек Толмовая и Бачат, где он любил бродить. **Дмитрий Петрович Клёстов** написал на прощание поэту такое стихотворение:

Памяти Б.П. Кузнецова

Уже близенько до поры,
Когда иссякнет сумрак рыжий
И с ослепительной горы
Помчат стремительные лыжи.

А дальше – тише, не спеша
На белоснежную поляну –
Куда охотника душа
Ведёт к излюбленному стану.

Дымок взвобьётся над костром:
Отрадно, дорого и мило –
Ведь здесь волшебное перо
Ему Жар-птица подарила.

Волнуется дымка игристо
По впадинам и буеракам.
Завязята тропка Бориса
Петляет небрежная всяко.

Слияние маленьких речек,
Большая таёжная пойма.
Здесь водится всякая нечисть
И добрых кудесников – уйма.

Отечество стало погостом:
Распадки, холмы, буераки.
И цапля, залётная гостья,
Кружит над Борисовым прахом.

Татьяна
КОПЫТОВА